

нія; но осталась его прежняя божественная власть — творить изъ праха, ронять жизни, изъ горсти земной лѣпить живых душ. Ихъ меныше, чѣмъ когда-то; у нихъ не столько человѣческихъ подробностей, не такая сложность признаковъ, явленная геніальнымъ анализомъ, не такая осозательность — но, какъ прежде, нѣть у Толстого смерти и лжи, нѣть дыханія литературы, и ни разу не случилось, чтобы перо его измѣнило ему, солгало, согрѣшило противъ правды. Она осталась его героямъ (припомните слова изъ его Севастополя: „герой же моей повѣсти, которого я люблю всѣми силами души, которого старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — правда“). Какъ и раньше, вымыселъ претворенъ въ реальность, и не отдѣлишь ихъ другъ отъ друга. Нѣть водораздѣла между искусствомъ и дѣйствительностью: они сливаются въ одинъ сплошной и цѣлый подлинникъ. Не только въ словесность, но и въ человѣчество вошли новые человѣки, — всѣ эти созданія Толстого; ихъ никогда уже не вычеркнешь изъ списка живыхъ. Вообще, отъ автора „Войны и мира“ сохранилось такъ много, что это могло бы обогатить другого, составить его сокровище и славу. Если у кого-нибудь и можно найти больше, чѣмъ въ посмертныхъ томахъ, то это лишь у самого Толстого. Онъ здѣсь меныше не другихъ, а только самого себя. Суше краски, но кисть, но благословенная рука чувствуется та же. Опять —